

В сентябре 1854 г. соединенный англо-французский флот, насчитывавший более 700 вымпелов, включая транспорты, подошел к Крыму. На берегу у Евпатории был высажен большой десант. Первый бой с русскими на р. Альме 8 сентября (старый стиль), который, как считается, войска Меншикова проиграли, породил серьезные проблемы для командования союзных армий. В официальном сообщении русского командования говорилось: «У нас убито 1752 человека, ранено 2315, контужено 405... Урон на стороне неприятеля положительно неизвестен; по некоторым показаниям, он даже превышает нашу потерю; но, во всяком случае, упорное наступление [неприятельских] батальонов, под градом наших ядер и картечи, не могло не стоить дорого и союзникам» [1]. «Morning Chronicle» представила следующие цифры безвозвратных европейских потерь: англичан – 1895 солдат, 96 офицеров, 114 сержантов и 23 барабанщика. Французские потери: 1400 солдат и 60 офицеров» [2].

В августе и сентябре 1855 г. на северном побережье Азовского моря англичане эпизодически обстреливали лишь Генчиск и несколько раз приближались к Таганрогу. На рейде Генчиска, по сообщениям тамошнего командования от 12 и 26 октября, дежурили две, реже три неприятельские канонерки. Они изредка постреливали по городку, в котором большая часть деревянных хижин давно уже была сожжена. Грузы для Севастополя и армии под Бахчисараем перевозили через Перекоп и Симферополь, поэтому наблюдение за Арабатской стрелкой потеряло всякий смысл.

Совершенно иной ситуация была на противоположной части моря. По распоряжению Британского

адмиралтейства начался настоящий террор против городов и станиц на Кубанском побережье Азовского моря. 9 (21) сентября 1855 г. подполковник Риди донес английскому командующему генералу Симпсону, что он высадил на восток от Фанагории три роты 71-го полка легкой пехоты. По его свидетельству, городок Тамань и крепость покинуты русскими, а в крепости обнаружили несколько негодных пушек и мортир. Русское командование, анализируя развивающиеся события, загодя осуществило ликвидационные работы в Тамани и давно заброшенной крепости Фанагория. В соответствии с распоряжением начальника Таманского отряда, полковника Бабыча, командир казачьего летучего отряда полковник Крыжановский вывез или уничтожил в Тамани и Фанагории незначительные запасы провианта и сена. Всем жителям Тамани и трех станиц поблизости было приказано выбираться к Темрюку.

После рекогносцировки полковника Риди последовала масштабная высадка неприятеля на Таманском берегу. В этой экспедиции приняло участие 13 канонерских лодок, один пароход, морской бот, отряд из 4 тыс. солдат и конная группа численностью 50 человек. Командующие французскими и английскими войсками в Крыму 20 сентября (2 октября) донесли своему правительству победные репортажи об успехах еще не окончившейся «операции» против русских поселений Темрюк, Тамань и крепости Фанагория. Адмирал Брюа писал: «Последствия экспедиции немаловажны: неприятель лишился опорного пункта, избранного им для будущего зимнего похода; в Тамани могли укрываться несколько тысяч солдат, а в Фанагории обшир-

ные здания послужили бы с пользой для госпиталей и казарм». Адмирала обуревали фантазии. Он писал о «... множестве арабов (?), спешивших уходить во внутрь края, унося с собой все, что успели захватить». В частности, он сообщал, что высадка была осуществлена беспрепятственно, но перед выходящими на берег солдатами передвигалось «... от шестисот до восьмисот кавалеристов, которые отошли после сделанных по ним нескольких выстрелов [из орудий] гранатами» [3].

Редакция петербургской газеты «Северная пчела» наряду с сообщениями неприятельских газет поместила для сравнения рапорт наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора Филипсона, о событиях на побережье Таманского полуострова: «Утром 11 (23) сентября неприятельский пароход приблизился к горловине Курчанского лимана, где было затоплено купеческое судно. На спущенном с парохода баркасе матросы пытались сжечь его, но оказались под выстрелами пластунов. У неприятеля убит один и ранено четыре матроса. Попытка трех других баркасов приблизиться к судну также была отражена пластунами и огнем стоявших на берегу двух орудий... На следующий день против гирла Курчанского лимана бросили якоря 11 пароходов и 4 канонерских лодки. Неприятелю удалось сжечь рыболовный завод.... Затем 15 пароходов открыли стрельбу из орудий по находившемуся поблизости хутору, но в течение трех часов смогли зажечь только одну хату и несколько стогов сена. Все попытки высадить десант на берег были отбиты пластунами сотника Чернишнего». 12 (24) сентября «... два неприятельских парохода перешли к Пересыпской станции [Пересыпскому гирлу], выстрелами артиллерии сожгли несколько стогов сена и разорили плашкоутный мост, ведущий через топкий рукав, которым Ахтанизовское озеро соединяется с Азовским морем. Неприятель, вероятно, думал этим отрезать отступление авангарду, но ошибся в своих предположениях» [4].

Из сведений Филипсона следует, что особых успехов англичане не добились. Но в донесении адмирала

Брюа говорится, что с 6 по 15 сентября отряд канонерок уничтожил пять рыболовецких тоней в Курчанском лимане, 68 – в озерах и протоках р. Кубани, сожжено 38 амбаров со снастями и 98 лодок [5]. Судя по всему, эти «победы» являлись выдумками неприятельского командования, чтобы оправдаться перед правительством за потерю времени, гибель офицеров и нижних чинов.

13 (25) сентября генерал-майор Филипсон прибыл в Темрюк и через два дня обследовал полуостров почти до самой Фанагории. По его мнению: «Неприятель занимал эту упраздненную крепость, под покровительством своей морской артиллерии, не показываясь в поле, и даже его аванпосты не были выставлены впереди крепости. Утром он высылал часть пехоты в Тамань для фуражировки и грабежа оставленных жителями домов, из которых уносили особенно доски. Церковь в городе была ограблена в первый еще день, иконостас разобран и унесен по частям. В самой крепости неприятель снял с некоторых домов крыши железные и черепичные; ночью эти материалы были отправлены на пароходах, которые беспрестанно ходили к стороне Керчи и обратно. 15 сентября их было на рейде 7 и 4 парусные военные судна малого ранга. Пароходы неприятельские не жалели выстрелов и пускали через крепость 96-ти фунтовые конические бомбы даже по одиночным всадникам. Выстрелы эти были безвредны, бомбы их не разрывались [следует пояснить, что англичане, стараясь сэкономить, нередко использовали снаряды, долго хранившиеся на складах].

С 13 на 14 и с 15 на 16 сентября пластуны, искусно пользуясь местностью, два раза нападали на неприятельские партии, отваживавшиеся показываться из Фанагории; в обеих этих стычках у неприятеля убит один солдат, ранено: один офицер и несколько рядовых, захвачены в плен два нижние чина, а также пять штуцеров и несколько другого оружия осталось в наших руках. Вообще пластуны постоянно тревожили неприятеля и заставляли его оставаться под ружьем. Наши пластуны утром 18 сентября внезапно встре-

тили одну команду неприятеля залпом и бросились в штыки. Неприятель бежал, оставив одного убитого; два англичанина (71-го Шотландского полка) и несколько оружия осталось в наших руках.

Ночь с 20 на 21 сентября была пасмурна, и месяц всходил уже поздно. Пользуясь этим, начальник летучего отряда, полковник Крыжановский, предпринял ночное движение... Все это выполнено с легкостью и смелостью, которые вообще отличают здешних пластунов. В Фанагории произошло смятение и тревога; с двух часов ночи до рассвета неприятель не прекращал ружейного и пушечного огня со всех пароходов, а на рассвете зажег второпях все строения и неотправленные еще материалы. Поспешно сев на суда, под покровительством морской артиллерии, отправился к Керчи.

Все эти восемь дней пребывания на земле Черноморского войска, союзники успели только сжечь Тамань и Фанагорию, что мог сделать один из их пароходов, не высаживая на берег ни одного матроса. Потеря неприятеля состоит из четырех пленных и от 50 до 60 человек убитых и раненых. Во все это время у нас урона не было» [6].

Многие российские и европейские исследователи давно отмечали, что англичане всячески скрывали и радикально преуменьшали свои потери. По самым скромным оценкам в результате «экспедиции» в Азовское море команды поджигателей и экипажи судов суммарно потеряли не менее 2–3 сотен моряков и морских пехотинцев. 12 июля донские казаки обнаружили на восточном берегу косы Кривой канонерскую лодку «Джаспер», по невнимательности капитана севшую на прибрежную отмель. Срочно доставив два легких орудия, казаки обстреляли лодку и затем подожгли ее. Попытки подошедшей английской шхуны снять канонерку с отмели не дали результата. Английская газета «Экспресс» воспроизвела заявление военно-морского ведомства: «Адмиралтейство получило официальное подтверждение о гибели канонерской лодки «Джаспер». Это очень чувствительная потеря. Пушки на этой лодке были большего калибра, чем на

пароходах «Миранда» и «Террибль» [7]. Перед нападением на Ейск непоименованная английская канонерка села на подводную отмель косы Долгой. Только чудом удалось экипажу, подкопав дно под винтом, стронуться с места. Свое озлобление команда выместила на Ейске.

В начале 1856 г. газеты сообщили о сведениях, переданных местными жителями Керчи русскому командованию: «Несколько жителей Керчи, вернувшиеся из Симферополя с разрешения английского генерала, сообщили, что неприятельская эскадра ... предававшая пламени Тамань и Фанагорию, возвратилась в Ени-кале с 6 поврежденными пароходами, из которых 5 было отведено на буксире в Камыш-Бурун на починку, а один, наиболее пострадавший от русских ядер, не дойдя до Еникальского мыса, затонул недалеко от берега. Надо думать, наши [военные] не заметили этого события, да и едва могли заметить с Таманского берега» [8]. Этот факт не вызывает сомнения, поскольку жители Керчи рисковали собственными жизнями, доставляя сообщение в русский лагерь. Но нельзя исключать, что наблюдатели ошиблись, предполагая повреждение русскими орудиями неприятельских канонерок в Таманском заливе. Возможно, такое поражение мелкосидящие пароходы получили либо под Таганрогом, либо у Арабатской крепости.

После разбоя в Таманском и Темрюкском заливах канонерки обстреливали Ейск и Глафировку, станицу Ахтарскую, рыбные заводы пос. Ачуева. Нападение на Ейское побережье освещала газета «Русский инвалид»: «На рассвете 23 октября на Ейском рейде показались 9 неприятельских пароходов. Пять из них, заняв позицию севернее входа в Ейский лиман, целый день бомбардировали селение Глафировку и расположенный рядом хутор Водино. Во второй половине дня ряд деревянных строений селения запылали» [9].

«Остальные четыре парохода большего размера, чем те, которые подходили к Глафировке, с утра и до заката солнца обстреливали Ейск со стороны моря. Утром 24 числа пять пароходов, занимавшиеся истреблением села Глафировки, вошли в лиман про-

тив Ейска; здесь присоединились к ним более десяти гребных судов, вооруженных пушками и небольшого калибра мортирами, и в восемь часов утра вся неприятельская эскадра, подойдя к берегу на самое близкое расстояние, открыла по городу жестокий перекрестный огонь с моря и лимана, бросая преимущественно бомбы, гранаты и конгревовы ракеты.

В Ейске вспыхнул пожар; пользуясь этим, союзники, в половине второго часа пополудни, высадили на берег до шести сот человек; но десант был встречен огнем спешенных казаков, а двинувшаяся наперерез пути его отступления рота пехоты принудила противника поспешно, и с потерей, возвратиться на суда; что же касается до неприятельских войск, высадившихся на юго-восточной стороне Ейска, то они были также отражены с уроном. В пять часов вечера пальба по городу прекратилась; в это время большой пароход [паровая шхуна «Везувий» под командованием капитана Осборна], заметив на берегу до двадцати рыбачьих лодок, послал для овладения ими несколько гребных судов, под прикрытием артиллерии и штуцерного огня; но эта попытка оказалась столь же безуспешною, как и две первые: суда, встреченные огнем стрелков, возвратились к пароходу, провожаемые нашими выстрелами, которые достигали до самого парохода. На сем последнем был выкинут черный флаг, остававшийся целые сутки на задней мачте [такой флаг англичане всегда поднимали в знак значительных людских потерь, включая офицеров].

В ночи с 24 на 25 октября, бывшие в Ейском лимане пять пароходов [мелкосидящих канонерок] продолжали действовать [стрелять] по городу; а 28-го вся эскадра удалась. Потеря наша, во все продолжение бомбардирования не значительна. Тяжело ранено: нижних чинов три, менее опасно три человека; контужены: учитель двенадцатого класса Шинкаренко, принимавший участие в защите города, и нижних чинов пять человек. Сгорело в городе разных построек [сараяв, кухонь] восемьдесят одна и за городом до шестидесяти скирд сена; повреждено домов шестьдесят два. Сильно пострадало здание Покровской церкви» [10; 11].

Уточняют сведения Филипсона воспоминания латышского крестьянина Вальтера Аузиня, переселившегося с другими земляками в Ейский регион незадолго до интервенции: «Через два месяца прибыли 16 военных кораблей и стали обстреливать город [Ейск]. Выстрелы одних пушек попадали в берег [в высокие береговые обрывы], а ядра других перелетали через город. На кораблях две пушки рядом, ядра скрепляли цепью и производили выстрел одновременно... ядра, крутясь одно вокруг другого, летели над городом. У ветряной мельницы было сбито одно крыло... Большинство купеческих амбаров были полны хлеба. Враги зажгли их, но пшеница вывалила сгоревшие стены и огонь был потушен. Часть пшеницы сгорела, а часть, хоть продымлена, была продана местным жителям по дешевой цене, по 30 коп. за пуд» [12].

В ст. Должанской попытку высадить десант отбили казаки 45-го Донского полка. На косе Камышеватской неприятелю удалось сжечь до десятка рыболовецких «заводов», то есть временных деревянно-камышовых хижин для складирования рыболовецких снастей, проживания забродчиков и навесов для сушки рыбы. В Ачуеве десант не высаживался, из-за сложного строения подводного склона (до 5–7 подводных валов). В результате обстрела войскового рыбзавода были уничтожены все строения и запасы рыбы [13]

В письмах неприятельских матросов и донесениях офицеров, публикациях английских газет нередко звучала фраза: «Русские этой зимой будут голодать» [14]. Прогнозы союзного командования о голоде на юге России в результате обстрелов и десантов «легкой эскадры» не оправдались. На это прямо указывает ейский протоиерей Т. Стефанов: «Утром 25 октября неприятель совсем уехал, чему не мало способствовали заморозки, которые в последних числах октября становились все сильнее и сильнее, и в первых числах ноября рейд ейских вод совсем покрылся льдом. Население, потрясенное неожиданными несчастьями, стало приходить в себя и со слезами благодарило Господа Бога, не попустившего город [Ейск] до окончательного разорения. Как бы в награду за перенесенное несчастье, тихо и мирно для города про-

текли следующие затем 1856 и 1857 годы» [15]. Не было голода и городах и поселениях северного побережья Азовского моря. Еще в середине августа русские газеты сообщали, что жатва в окрестностях Таганрога началась и урожай будет обильным. Следовательно, огромные финансовые затраты англо-французов на рейды по Азовскому морю (жалование морякам, стоимость угля, боеприпасов, лечение раненых, ремонт корпусов и др.) не смогли обеспечить тех целей, на которые надеялось правительство Британии.

Восточная война породила новые угрозы, к которым требовалось готовиться как можно быстрее. На Архангельских верфях и под Петербургом с начала 1855 г. осуществлялись программы строительства паровых, в том числе винтовых пароходо-фрегатов, клиперов и канонерок [16]. Затем, по секретному поручению Александра II военными инженерами П.К. Кауфманом и Э.И. Тотлебенем был разработан проект уникальной подземной Керченской крепости [17]. Царь выделил на эту важнейшую задачу 12 млн. руб. золотом и 1 тыс. государственных крестьян. Александр II трижды посещал секретный объект, так как не исключал возможность повторения английской интервенции. Уже в начале 1856 г. начались подготовительные работы по закладке глубоких фундаментов и возведению стен редутов.

На всех припортовых участках, а в Ейске на берегу лимана? были установлены дальнобойные артиллерийские батареи. На оконечности косы Тузла в 1856 г. началось строительство каменной наброски, которая должна была послужить фундаментом для стены, «заграждающей неприятелю вход в Азовское море» [18]. В пределах малонаселенного Азовского побережья, между Бейсугским лиманом и косой Долгой, численность населения станиц Должанской, Камышеватской была искусственно увеличена за счет переселения казачьих семей из внутренних округов Черноморья. Осенью 1856 г. в дельте Дона практически были завершены работы по обустройству нового Каланчинского редута. Он был спроектирован по приказу генерала М.Г. Хомутова в целях более надежного блокирования подходов к Азову и Ростову. ■

Список использованной литературы

1. Северная пчела (далее СП). – 1854. – № 229, от 13 октября. – С. 1089.
2. СП. – 1854. – № 223, от 6 октября. – С. 1065.
3. СП. – 1855. – № 233, от 24.10. – С. 1234.
4. Там же, с. 1382.
5. СП – 1855. – № 227 от 17.10. – С. 1201.
6. СП – 1855. – № 233 от 24.10.1855 – С. 1234 (перепечатка из газеты «Русский инвалид»).
7. СП. – 1855. – № 182 от 28.8. – С. 960.
8. СП – 1856. – № 4 от 5.01.1856. – С. 18.
9. СП. – 1855. – № 262, от 28 ноября. – С. 1386.
10. СП. – 1855. – № 262, от 28.11. – С. 1386.
11. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 416. – Оп. 6. – Д. 3. – С. 67-80.
12. Литвиненко В.И. Села Приазовья. – Ростов-на-Дону, Донской издательский дом, 2010. – Приложение 5. – С. 185–186.
13. Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 г. // Морской сборник. Часть неофициальная. – 1857. – №1. – С. 183.
14. Миргородский А.В. Оборона Таганрога и Приазовья во время Крымской войны. Иностранцы документы и материалы по Азовской экспедиции 1855 года. – Таганрог, 2014. – С. 169.
15. Стефанов Т. Город Ейск Кубанской области в историческом и этнографическом отношениях // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. – Тифлис, 1898. – Вып. 25. – С. 118.
16. Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота XIX–начало XX века. – М., СПб, 2004. – С. 418–434.
17. Андреев В. Керченская крепость // Military Крым. – 2009. – № 10. – С. 38–47.
18. Визе В.Ю. Историческое прошлое наносных образований в Керченском проливе, в особенности косы Тузлы // Изв. Центр. Гидрометеобюро. – Л., 1927. – Вып. VII. – С. 165.